

Заболоцкий Николай Алексеевич

(1903–1958), русский поэт, переводчик

Николай Алексеевич Заболоцкий родился 24 апреля (7 мая) 1903 под Казанью. Его дед по отцу, отслужив при Николае I положенные четверть века в солдатах, записался уржумским мещанином и работал объездчиком в лесничестве. Один из двух его сыновей, отец поэта, получил казенную стипендию и выучился на агронома. Женился он поздно и взял в жены городскую учительницу, «сочувствующую революционным идеям». Семья жила в селе Сернуре; сын, первый из шестерых детей, учился вдали от дома, в реальном училище Уржума.

По окончании училища в 1920 Заболоцкий отправился в Москву, где поступил одновременно на филологический и медицинский факультеты Московского университета, однако вскоре переехал в Петроград и поступил в педагогический институт. Участвовал в литературном кружке «Мастерская слова», не был отобран в состав пролетарского писательского авангарда, однако нашел общий язык со стихотворцами, считавшими себя «левым флангом» ленинградского отделения Всероссийского союза поэтов (вскоре упраздненного).

В 1926–1927 Заболоцкий служил в армии, затем получил место в отделе детской книги Госиздата. Руководил отделом С. Маршак, в отделе работали Е. Шварц, Л. Чуковская, Н. Олейников. Отдел выпускал не только книги, но и два детских журнала — «Чиж» и «Еж». К работе были привлечены поэты — единомышленники Заболоцкого — Д. Хармс и А. Введенский, образовалась поэтическая группа со своей программой. В конце 1927 она стала именоваться Объединением реального искусства (сперва ОБЕРИО, затем ОБЭРИУ), ее приверженцы — обэриутами. Манифест обэриутов появился в начале 1928 в «Афишах Дома печати», раздел «Поэзия обэриутов» написал Заболоцкий. В духе тогдашнего культа новаторства было заявлено: «Мы — творцы не только нового поэтического языка, но и создатели нового ощущения жизни и ее предметов». Себя он при этом назвал «поэтом голых конкретных фигур, придвинутых вплотную к глазам зрителя».

К этому времени было опубликовано вразброс несколько стихотворений Заболоцкого, более или менее подтверждавших эту декларацию («Вечерний бар», «Футбол», «Игра в снежки и т. д.»). Они прошли незамеченными, зато изданный тиражом 1200 экз. сборник «Столбцы» (1929), включавший 22 стихотворения, «вызвал в литературе порядочный скандал», как сообщал другу Заболоцкий, добавив: «...и я был причислен к лику нечестивых». Статья в журнале «Печать и революция» (1930) называлась «Система девок», в журнале «Стройка» (1930) — «Распад сознания». Книга оценивалась как «враждебная вылазка», однако прямых распоряжений в отношении Заболоцкого не последовало и ему (при посредстве Н. Тихонова) удалось завязать особые отношения с журналом «Звезда», где и было напечатано около десяти стихотворений, пополнивших «Столбцы» во второй (неопубликованной) редакции сборника (в окончательной, впервые воспроизведенной в издании 1965 редакции раздел «Столбцы и поэмы» содержит 46 стихотворений).

«Столбцы» и примыкающие к ним стихотворения 1926–1932 представляли собой опыты словесной пластики, ориентированной на повседневную бытовую речь и сближавшей поэзию с современной живописью. Натюрморты, жанровые сцены и этюды «Столбцов» мотивировались «по-обэриутски»: «Посмотрите на предмет голыми глазами, и вы увидите его впервые очищенным от ветхой литературной позолоты... Мы расширяем смысл предмета, слова и действия».

Такое «расширение смысла» постепенно отдалило Заболоцкого от других обэриутов и явственно сказалось в поэме «Торжество земледелия», написанной в 1929–1930 и полностью напечатанной в журнале «Звезда» в 1933: это была своего рода «мистерия-буфф», прославлявшая коллективизацию как начало вселенского благоустройства.

О полнейшей лояльности Заболоцкого свидетельствует стихотворение на смерть Кирова (1934), немислимое в контексте творчества других обэриутов. При этом в поэме «Торжество земледелия», как и в последующих — «Безумный волк» (1931) и «Деревья» (1933), сказалось влияние В. Хлебникова. Как и для других поэтов левого толка, Хлебников был для Заболоцкого культовой фигурой, ему была особенно близка устремленность хлебниковской поэтической мысли к сотворению утопии, «учреждению» всемирной гармонии. Подоспело ко времени и знакомство с сочинениями К.Э. Циолковского, в которых Заболоцкий видел подтверждение визионерских мечтаний Хлебникова. Публикация «Торжества земледелия» повлекла за собой изъятие из обращения номера «Звезды» с текстом поэмы, оценку автора в органе ЦК ВКП(б) «Правда» (в статье В. Ермилова «Юродствующая поэзия и поэзия миллионов») и шельмование в других периодических изданиях. Подготовленную к печати книгу «Стихотворения 1926–1932» издать не удалось; попытка издать стихотворения и поэмы 1926–1936 оказалась тщетной. Семнадцать новых стихотворений Заболоцкого, большей частью опубликованных в газете «Известия» и максимально приближенных к среднему уровню советской интеллигентской («умствующей») поэзии 1930-х, составили сборник «Вторая книга» (1937), который, по-видимому, должен был свидетельствовать о полной «перековке» автора Столбцов» и «Торжества земледелия».

Заболоцкий выпустил также переводы-пересказы для детей и юношества «Гаргантюа и Пантагрюэля» Ф. Рабле, одного из Путешествий Гулливера» Дж. Свифта, «Тиля Уленшпигеля» Ш. де Костера, а также стихотворное переложение поэмы Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре». Тем не менее в 1938 он был арестован и осужден как участник вымышленной террористической организации ленинградских писателей. Его «дело», следствие с пытками и лагерные мытарства кратко описаны в его воспоминаниях «История моего заключения».

Колымский срок был прерван, и уже в 1943 Заболоцкий получил статус ссыльно-поселенца сперва на Алтае, затем в Казахстане. В 1946 он переехал в Москву, в 1948 опубликовал сборник «Стихотворения», в котором превалируют произведения грузинской тематики, среди них — «Горийская симфония», акафист Сталину, написанный еще в 1936 и переизданный к семидесятилетию вождя. Заболоцкому было предложено превратить свой пересказ 1930-х годов поэмы Шота Руставели в полный перевод. Как и заказанное ему стихотворное переложение «Слова о полку Игореве», это было одной из самых престижных и выгодных переводческих работ советского времени.

Никакой лирики лагерно-ссыльного периода не сохранилось, и никаких свидетельств о существовании таковой не имеется; новые стихотворения начинают появляться с 1946. Они представляют собой результат творческой эволюции, определившейся еще в 1934–1937. Заболоцкий использует поэтику жестокого романса; характерна она и для стихотворений трагического звучания («В этой роще березовой», «Старая сказка», «Воспоминание», «Где-то в поле возле Магадана» и т. д.). Между тем стихотворение «Облетают последние маки» содержит прямое и открытое авторское признание: «Нет на свете печальней измены, чем измена себе самому». И прижизненный сборник «Стихотворения» (1957), и посмертное «Избранное» (1960) дают заведомо искаженное представление о лирике Заболоцкого, включая лишь немногим больше половины его произведений 1936–1958 и целиком отсекая стихотворения и поэмы раннего периода, противоречившие благолепному образу советского поэта.

Сам Заболоцкий от своего раннего творчества не отрекался и не оставлял надежды на публикацию более или менее полного собрания. Он составил его дважды — в 1952 и в 1958; предугадывая обязательные претензии стилистической цензуры, пытался без особого успеха приглаживать тексты 1926–1936, вопреки тогдашней программной «красоте неуклюжести» («Битва слонов», 1931): «Весь мир неуклюжего полон значения!». Впервые поэзия Заболоцкого была представлена читателю с достаточной полнотой в 1965 (Большая серия «Библиотеки поэта»). Ряд ранних стихотворений и поэма «Птицы» (1933)

оставались неопубликованными до 1972. В первоначальном виде «Столбцы» и поэмы 1930-х годов были заново опубликованы в книге «Вешних дней лаборатория» (1987).

Умер Заболоцкий в Москве 14 октября 1958.